

Игорь Буторин
Улица моего детства

рассказы, повести и сценарии

Игорь Буторин

Улица моего детства (сборник)

«Издательские решения»

2015

Буторин И.

Улица моего детства (сборник) / И. Буторин — «Издательские решения», 2015

В книгу вошли истории из жизни автора, рассказы о времени и людях, живших в конце XX века в одном сибирском городе и вообще в стране СССР, а также повести и сценарии, написанные в разное время.

Содержание

Улица моего детства	6
Амур	6
Огромная лужа, непролазная грязь и сугробы	7
Центр вселенной под названием «Заря»	8
«Сатурн»	9
Школа	10
Трамвай	11
Амурская шпана	12
P. S.	13
Как я дошел до такой жизни	14
Я вырос в любви	14
Человек движения	17
Это просто праздник какой-то!	19
Исследование профессии	21
Крутой сибирский писатель	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Улица моего детства
рассказы, повести и сценарии
Игорь Буторин

© Игорь Буторин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Улица моего детства

Амур

Эта рабочая слободка, расположенная чуть северо-восточнее центра Омска, начала развиваться в начале 60-х годов прошлого века. Буквально посередине степи появились первые корпуса Омского завода кислородного машиностроения, вслед за ними и стал застраиваться пятиэтажками огромный пустырь краем упиравшийся в околицу частного сектора одной из Амурских улиц, а другим в забор военного объекта, известного по сию пору, как пороховые склады. Знаменитые пятиэтажные муравейники – хрущевки росли быстро и, неуклонно превращались в новый район города – Амурский поселок. В Амуре я прожил один из самых больших отрезков моей жизни: с двух лет и до сорока пяти. Ему – Амуру моего детства и посвящаю свой рассказ.

Огромная лужа, непролазная грязь и сугробы

Первое воспоминание о моем амурском детстве – это непроходимые грязевые моря, в которых буквально утонул строящийся поселок. В ту пору мне только исполнилось три года и, отправляясь с мамой в детский сад, мы каждые утро и вечер преодолевали эти необозримые чавкающие поля. Случалось, что мои ноги утонули в жиже так основательно, что иногда в ней оставались резиновые сапоги, без которых жизнь здесь была просто невыносима.

Зато, потом, когда летняя жара высушивала эти селевые поля, сколько было ребячьей радости побродить по теплой и мягкой пыли, доходившей до щиколоток наших детских ног. Или после дождя, гонять по расквашенной мягкой грязюке и при каждом шаге ощущать, как мягкая жижа просачивается между пальцев ног.

Это можно отнести к ностальгии о беззаботном детстве, однако, мне все же кажется, что раньше зимы были стуже, и снега выпадало гораздо больше, чем сейчас. Чего стоят воспоминания о морозах, когда узкая щель между шапкой и шарфом, скрывающим подбородок и нос, оставленная только для глаз, в считанные минуты затягивалась таким слоем инея, что мир вокруг приобретал потрясающие сказочные очертания. Когда читаешь про путешествия капитана Гатерасса и его северные приключения, то запросто представляешь, тот мороз с каким герою Жюль Верна боролись в северных широтах.

А сугробы... Вот – зима, а вот – куча снега в которую можно нырять с крыши веранды во дворе соседнего детсада, и она, как перина, мягко примет твоё тело. И сколько радости доставляет и сам прыжок, и безумные бархатня в сугробе, когда не обращаешь внимания ни на снег за шиворотом, ни на обмороженные щеки, ни на застывшие и ставшие колом штаны. Нет, все же в детстве зимы были круче и детские забавы веселее...

Однако это лишь присказка об Амуре, а сказка заключалась в огромной луже, которая простиралась вдоль улицы Багратиона и казалась нам пацанам, по крайней мере, мировым океаном. Причем не только в переносном смысле. И эта лужа была вечной. Зимой она превращалась в каток для хоккейных баталий. Играли на нем, как в русский хоккей с мячом, так и в канадский с шайбой. А весной и осенью лужа превращалась в полосу препятствий для экстремальных игр на тонком льду – надо было пробежать через лужу и не провалиться в полынью.

Зато с поздней весны и летом лужа становилась истинным океаном, по которому мы плавали на самодельных плотках, сделанных из остатков заборов, досок и прочей пустопорожней тары. Здесь же устраивались морские бои, суть которых заключалась в ловком таране плота соперника. Главное надо было так врезаться в конструкцию противника, чтобы тот свалился со своего боевого нагромождения деревяшек в нашу Великую лужу. Плоты строились так, чтобы они были легкими для развития крейсерской скорости и крепкие, то есть имели хорошие абордажные качества. Основным материалом при строительстве служила все та же пустопорожняя тара, в которой дефицита не было – рядом находился единственный на весь поселок, большой по меркам того времени продовольственный магазин «Заря».

Центр вселенной под названием «Заря»

«Заря» по улице Багратиона был главным ориентиром в Амуре. Это было название остановки и центр всего микрорайона, так как через две остановки начиналось еще не застроенное домами поле. Сюда ходили за покупками всей семьей, здесь находилось место наших игр и развлечений и эльдорадо вкусоностей, которыми здесь торговали.

Чего стоит упоминание о какао в маленьких брикетиках, которые вместо конфеты можно было очень долго грызть на зависть товарищам. В сравнении с этим кубиком какао, сникерсы просто отдыхают.

А томатный сок по 10 копеек. Сначала тебе наливают этот густой, слегка разбаленный ушлой продавщицей напиток в граненый стакан. Затем ты, со знанием дела, берешь чайную ложку и, зачерпнув соль, исходя слюной от предвкушения, долго болтаешь ею в соке, размешивая. Дальше быстро, на одном дыхании вливаешь в себя томатный напиток и удовлетворенно вытираешь рукавом оранжевые помидорные усы над верхней губой. Все, можно выдохнуть. Вот это был настоящий кайф!

В «Заре» же обитал местный амурский дурачок Алеша. Уж не знаю, кто к его имени добавил приставку «кирзовые уши», но, тот не обижался и вообще был безобиден. Он приходил в магазин, становился у прилавка какого-нибудь отдела и пел песни. Пел хорошо и громко. Продавцы его не гнали, а, наоборот, за песню на заказ подкармливали кто кусочком колбасы, кто конфеткой. Тогда глаза Алеши-кирзовые уши начинали лучиться, и он долго хвастался покупателям, заработанным подарком. Спустя несколько лет на Пасху, я увидел, уже повзрослевшего Алешу на церковной паперти. Там он снова пел, но уже пел псалмы и на брошенную в его кружку монетку отзывался рассказом, что батюшка подарил ему наручные часы. Не пропал, и, слава Богу, ведь малый то он был добрый, да и голос действительно хороший – высокий и чистый.

Здесь же в «Заре» мы покупали свои первые сигареты, обманывая продавцов, что за ними нас послал отец. А потом на чердаке втягивая в себя сладковатый дым крепкого кубинского «Партагаса», мы почему-то представляли себя, по меньшей мере, водителем грузовика, потому что нам эта профессия казалась самой главной и уважаемой в этом мире. Однако первые сигареты будут позже, уже в школе.

Кроме «Зари», с торцов двух соседних домов по улице 22-го партсъезда находилось еще два популярных магазина – булочная и молочный. Они мне запомнились тем, что туда чаще всего меня посылали матушка с бидоном для молока, банкой под сметану и авоськой для хлеба. Особенных историй про эти магазины у меня нет, вот только прекрасно помню огромные очереди за хлебом. Они появились в эпоху повального увлечения нашего генсека царицей полей – кукурузой. Тогда хлеб был в дефиците, и очередь приходилось занимать задолго до открытия булочной.

Зато спустя совсем немного времени, когда ЦК партии возглавил Леонид Брежнев, положение выровнялось, очереди пропали, и на магазинных полках даже наблюдалось некоторое изобилие. Для примера, вспомню, что «Краковская» колбаса была не в очень большой чести даже в самых обычных семьях. На полках магазинов она залеживалась, ссыхаясь и покрываясь белым налетом, который для придания товару более ликвидной внешности, убирался тряпкой, смоченной в подсолнечном масле. Зато «Московская» и «Докторская» были самыми популярными сортами и их себе могли позволить многие семьи, причем не столько на праздник, сколько каждый день на завтрак. Пишу об этом смело, потому что вырос я в семье врача и инженера, понятно, что такие семьи и в те времена зажиточными не были и таковыми никогда не считались.

«Сатурн»

Из всех культурных заведений в Амуре, вначале был только сад «Сибирь» с танцевальной верандой. Потом, уже окрепший завод кислородного машиностроения, смог себе позволить строительство собственного Дворца культуры, который тоже расположился в саду «Сибирь». Ну, а для жителей всего Амурского поселка, в аккурат на мыске с дорожными развязками на пересечении трех улиц: Багратиона, Челюскинцев и 24-я Северная был построен кинотеатр «Сатурн».

Для нас – ребяташек, это был настоящий культурный прорыв. Теперь можно было ходить в кино самостоятельно, то есть без родителей. Достаточно было от них получить 10 копеек, и поход на утренний сеанс практически был у тебя в кармане.

Кроме обычного просмотра замечательных сказок и прочих детских и не очень фильмов, в «Сатурне» была еще одна забава. Если ты сидишь неподалеку от окошка в кинопрокатную комнату, то вырванный из тетрадки и скомканный в снежок лист, ловко подбрасывался в луч проектора, превращаясь в яркую вспышку. Прямо, как на фронте при артобстреле.

Кроме самого фильма обязательным атрибутом кино стало мороженное в вафельном стаканчике и газировка из бутылок, которыми торговали в буфете.

Адреналин мы получали из другого приключения. Билет покупался на дневной сеанс, после его просмотра надо было ловко спрятаться в бесконечных складках шторы– светоотсекателя на выходе и... остаться еще на один сеанс, уже бесплатно. Можно было прорываться и снаружи во время того, как публика покидает кинозал, но это был уже высший пилотаж, потому что бдительные контролеры вылавливали нас и выпроваживали на улицу.

Школа

Надо заметить, что в Амуре все взрослые друг друга знали. Буквально, как в большой деревне. Мало того, что все работали на одном заводе, но и первые дома строились тогда, так называемым, хозяйственным способом, когда кроме своей основной работы, родители по вечерам и в выходные сами строили свои будущие дома. На стройке и предприятии образовывались компании, которые с годами так сроднялись, что порой становились ближе, чем кровные родственники. Они и сейчас дружат, однако встречаются теперь, все чаще на похоронах друзей своей молодости. Время.

Ну а ребятня, тоже жила по законам больших семей Амурского поселка. Дворовые команды были именно дворовыми, где все держались одной кучей и с подозрением относились к соседям.

Однако школа перемешала эти детские сообщества, образовав новые, по номеру школы. Шестнадцатая, тридцатая, семнадцатая, позже двадцать девятая и так дальше. Компании стали больше, а недоверие к соседям сильнее. Если ты появлялся на чужой территории, то первым вопросом становился – «из какой школы?» А дальше, если ты чужак и за тебя никто не замолвил слово, можно было совершенно спокойно схлопотать по физиономии. Калечить еще не калечили, но зубы выбивались, а фингалы под глазами становились нормой мальчишеской жизни.

Знаменитый сад «Сибирь» всегда был зоной из «Сталкера». Он манил своими темными аллеями, ветвистыми деревьями диких ранеток и буйной фантазией детских игр. Но ходить там было небезопасно, так как это была территория другой школы – тридцатой. Однако все равно ходили, иногда дрались, а чаще просто убегали от преследователей. Там же я получил свое первое, более-менее серьезное, ранение – рассекли губу кастетом. Одним словом, адреналина было, хоть отбавляй.

Пока родители были на работе, нашим воспитанием занимались соседи-пенсионеры. Понятно их об этом никто не просил, но они все равно бдили и докладывали о всех шалостях и проказах нашим папам и мамам. Лишь один дед из моего подъезда никогда не жаловался нашим родителям. Очень колоритный был старик, с чапаевскими усами и всегда ходил в синих НКВДшных галифе и хромовых сапогах. И если наши игры начинали мешать ему жить спокойно, то он попросту норовил треснуть своей тростью зазевавшегося пацана пониже спины. Вот такой самосуд. В отместку мы его поддразнивали, правда, делали это издали, чтобы не достал своей палкой. Дед сердился, грозил палкой и топорщил свои седые усы, но обид долго не помнил и никогда не наказывал за давние провинности.

Трамвай

В Амурский провели трамвайную линию это стало настоящей революцией. Теперь на трамвае номер три можно было за пятнадцать минут доехать до главпочтамта, а не сорок минут собирать, толкаясь в вечно переполненном «51-м» автобусе, все Амурские и бесконечные Северные улицы. На «четверке», это второй трамвайный маршрут, теперь можно было добраться аж до железнодорожного вокзала. Жители Амура перестали чувствовать себя городской окраиной и в полной мере ощутили горожанами.

Когда же начали строить трамвайные пути, то понятное дело все игры мальчишек переключились на эту стройку. Первые рельсы вызвали просто щенячий восторг, а дрезина оставляемая путейцами на ночь, стала пределом мечтаний для каждого пацана. По вечерам на ней мы пересекали по новеньким рельсам, разгоняясь, как казалось до первой космической скорости. Ветер в лицо, впереди сумерки и неизвестность (в виде кучи песка, в который эта дрезина в конечном итоге и втыкалась, слетая с рельсов, а порой и переворачиваясь) – ну чем не космонавты. Зачастую нас – первооткрывателей трамвайного движения родители выдергивали из этого опасного приключения и гнали подзатыльниками и ремнем домой, объясняя, что мы могли запросто попасть под колеса дрезины и остаться без ног. Ну, разве в ту пору это были веские аргументы...

Когда же трамвай пустили, то появилась новая забава – путешествие на трамвае без родителей. Так мы начали открывать другие районы Омска, начиная с соседнего поселка имени Козицкого и заканчивая загадочным железнодорожным вокзалом.

Амурская шпана

В Амуре, как и во всей стране, в памяти которой были живы воспоминания о ГУЛАГе, о суках на зонах и ворах в законе, среди пацанов витал дух, пусть это сегодня и кажется странным – зонавской романтики. В мальчишеские разговоры пестрели феней, были популярны рассказы о жизни за колючей проволокой и тамошних законах и повадках, которые приносились в наше подростковое общество сверстниками, побывавшими на «малолетке». Самые отчаянные, шли воровать, а порой и грабить соседей, прохожих или просто квартиры. Больше половины всех пацанов состояли на учете в детской комнате милиции. Малолетних преступников ловили и сажали, так как спрятаться в большой деревне под названием Амур, было негде и выявить, и задержать воришку участковому обычно не составляло никакого труда.

Потом, отсидев, пацаны возвращались с наколками в виде светлой тропинки через темно синее поле зоны на пальцах – первая ходка, с воровскими звездами на плечах или коленях. На «малолетке» юные преступники жили жестокой жизнью волчат, дрались, жестоко насиловали друг друга и щедро разрисовывали свои тела атрибутами воровской чести. Понятно, что после такой школы преступления становились более жестокими и изощренными, а сроки более длительными. Такие малолетние «паханы» «держали мазу» в своем околотке, участвовали в разборках и драках, отвоевывая у таких же «паханов» свое пространство в Амуре.

Из легендарных персонажей того времени стоит упомянуть Котовского. Точно не скажу, сидел ли Котовский в колонии для малолетних преступников, но был он видно отчаянным сорвиголова, потому что еще в детстве, катаясь на товарных вагонах, лишился одной ноги. Однако это увечье не помешало ему стать одним из самых жестоких бойцов Амура. В драках его очень опасались, вернее его костыля, которым он орудовал не хуже, чем средневековый рыцарь мечом. Потом он куда-то исчез, быть может, спился, а быть может, убили в одной из амурских драк.

P. S.

Однако, как это всегда бывает, пришло новое время, которое родило своих героев. Так малолетние сидельцы кто, спившись, а кто, сгинув на зоне, ушли в историю нашего амурского детства. Да и не могли они противостоять подросшим пацанам, которые с малолетства шли не на зону, а в спортивные секции. Так на смену амурской шпане пришли другие персонажи амурские спортсмены: боксеры, борцы и культуристы. Им, как и спортсменам из других районов города спустя некоторое время историей было суждено создавать первые рэкетирские бригады, участвовать в кровавых разборках со стрельбой и заказными убийствами при переделе сфер влияния уже не только в Амуре, но во всем Омске и за его пределами. Просто началось первичное накопление капитала, и спортсмены, как самые жизнеспособные и решительные поспешили этим воспользоваться. Но теперь они все уже назывались просто – амурские.

Все это было. Теперь многие из них стали добропорядочными людьми: бизнесменами, таксистами, врачами, военными, преподавателями, чиновниками и даже местными политиками.

Однако это уже совсем другая история. Как и история Амурского поселка, которая продолжается, и современный Амур стал совсем другим, но от этого не менее родным и близким, как любая малая родина, пусть даже и заключенная в пределах одного городского района.

Как я дошел до такой жизни

Я вырос в любви

Мои родители познакомились в Полтаве. Мама там жила, а отец, приехал на спортивные сборы перед чемпионатом СССР по легкой атлетике, где он должен был отстаивать честь Тихоокеанского флота в спортивной ходьбе. Когда бравый матрос появился на танцах, судьба мамы была решена, да и отца тоже, потому что сразу заметил ее огромные глаза. После окончания отцовской службы родители поженились, и отец увез молодую жену в свой родной город Тюмень. Потом он поступил в омский мединститут, но это уже было при мне. Мир узнал о моем появлении все в той же Полтаве, куда мама приехала меня рожать. Потом она вернулась к отцу в Омск, а я остался у бабушки на улице Исторической, вдоль которой протекала замечательная речка Тарапунька. Не надо никому объяснять, что в украинской мазанке с земляным полом я был главным человеком, окруженный любовью бабушки, прабабушки и двух маминых братьев. Для бабушки в ее 38 лет я был первым внуком – последним ребенком, для материнских братьев забавным первым племянником, а для старенькой бабуни, пережившей оккупацию – благодарным слушателем ее причитаний.

Своих родителей я увидел через год и десять месяцев, когда бабушка привезла внука в далекую Сибирь. Кстати, рядом с дядьями я привык называть бабушку мамой и поэтому, когда на вокзале мама-бабушка вдруг села в поезд, и он ее повез в неизвестном направлении, я устроил истерику. Это была трагедия. В поезде захлебывалась слезами бабушка, на перроне заливалась мать, и над всем этим на руках отца блажил я. Когда меня привезли домой, я залез под кровать и при малейшей попытке извлечь меня оттуда, закатывал истерику. Выманил меня отец. Он заранее купил мне машинку – красивую скорую помощь (а какую еще игрушку мог купить будущий врач). Так отправляя ее ко мне под кровать, и азартно перед моими глазами, закладывая ею виражи, папа спровоцировал меня на игру и тем самым извлек из пыльной темноты подкроватья. Со временем я понял, что тетя – это моя мама, ну, а отца я признал быстро... Ведь только отец умеет так интересно играть машинками и самолетиками сына.

Мне повезло. Я вырос в любви. Первого внука и первого племянника любили все. Я не говорю о родителях, их любовь была огромна, как окружающий мир и в ней прошли мои детство и юность. Нет, я не был маменькиным сыночком. Я был нормальным пацаном из рабочей слободки. Я получал ранения в пацанских драках, пробивал голову в хоккейных баталиях, тонул в необъятных лужах, куда свалился с плота, курил на чердаке нашей пятиэтажки, занимался плаванием и легкой атлетикой.

Пожалуй, единственное и самое главное, что отличало нашу семью от других таких же семей 60-х годов – это книги. Мой отец читал всегда и много. Ему было интересно все, поэтому у нас были подборки научно-популярной серии «Эврика», книги о путешествиях и путешественниках, замечательные энциклопедии по биологии и зоологии, мемуары военачальников, политиков и ученых и просто замечательных людей. Я уж не говорю про художественную литературу.

Из детства, не знаю почему, но помню один новогодний подарок. Я его обнаружил, как и положено, утром первого января под подушкой. Это была прекрасно иллюстрированная книжка «Золотая антилопа». Подарки родители дарили всегда, и всегда не такие, как у других ребятшек, но вот эту книжку почему-то помню и как ей обрадовался, тоже помню.

Еще был поход. Мне тогда было лет четырнадцать, и мы приехали к бабушке в Полтаву. Отец был основательным человеком. Например, мы начинали заниматься рыбалкой. Сразу же в доме появлялась разнообразная литература на тему рыболовства. Потом скупались различ-

ные рыболовные причиндалы. Плюс мастерились снасти, конструкции которых мы находили в научно-популярных и специализированных изданиях типа «Рыболов-спортсмен».

То же и с походами. Покупалась палатка, рюкзаки, котелок, тренога для костра и тому подобное. И вот так основательно экипированные мы отправились на рыбалку. Место подсказали соседские мужики. Сначала была электричка, потом пешком через таинственную рошу, где корни деревьев, облепленные тиной после половодья, превращались в сказочную страну с таинственными лабиринтами, потайными местами для русалок и леших. И наконец, степь и пшеничные поля, прорезанные лишь грунтовой дорогой и речушкой, в которой сновали шустрые гольяны. А потом уж и более широкая речка, названия которой я уже и не помню. Там мы и разбили лагерь.

Едва поставили палатку и расчехлили спиннинги, как с горизонта на огромной скорости на нас устремилась рваная грозовая туча, и быстро заполонила собой весь горизонт, превратив вечер в ночь. Я тогда, честно говоря, очень боялся. Мне казалось, что на нас, двух человек посреди малоросской степи могут напасть злоумышленники. В палатке я жался к отцу и мне постоянно слышались шаги крадущегося разбойника. Отец успокоил. Во-первых – нас двое и мы мужчины. А во-вторых – удилища от спиннинга, это прекрасное оружие для самообороны. Видно отцова уверенность не только в себе, но и в нас – двух мужчинах, передалась и мне. Не скажу, что больше в жизни мне не бывало страшно. Было и не раз. Но о том, что «смелого пуля боится и смелого штык не берет», я узнал от отца и, наверное, именно в том походе.

За отца я никогда не боялся. Все же боксер-перворазрядник. Что говорить о нас подростках уже пацанах. В ту пору над нами витала романтика лагеря для малолетних преступников, куда попадали после краж, кровавых драк и разбоя наши ровесники. Часть из них уже прошла через тюремные коридоры малолетки. Они возвращались оттуда с партаками на руках, а кое-кто даже успевал наколоть на плечах и коленях воровские звезды.

К окончанию восьмилетки дворовые компании начали раскалываться. Кто-то уверенно протаптывал очередную тропинку на зону, а кто-то в спортзал и к знаниям. Друзья в недавнем прошлом, теперь уже косо смотрели друг на друга. Жиганам не нравилось, что они сдавали свои лидерские позиции. Мы их «делали» в спорте. Оставался единственный известный способ завоевать уважение – драка.

Ощущение предстоящего кулачного боя я запомнил очень хорошо. Когда уже не миновать разборки, у тебя внутри начинается неприятный тремор, который предательски передается коленям и рукам. Где-то под ложечкой холодеет, слегка подташнивает, и ты уже ждешь первой атаки. Кадык ходит ходуном, как будто ты пытаешься и не можешь глотнуть скопившиеся слюни. Тогда ты вспоминаешь, про смелого, которого пуля боится, и про «Бей первым Фрэди»...

А потом дома, мама плачет, отец оказывает первую медицинскую помощь и тоже явно нервничает. Губа рассечена и опухла, глаз заплыл, из брови струится кровь. Между делом мать интересуется, где шапка? А кто ж ее знает, где она... слетела. В этот момент, мне почему-то всегда было жалко моих родителей. Они панически боялись, что меня могут покалечить, уж не говоря о более страшном.

В девятом классе я записался в школу юных корреспондентов при городской молодежной газете. Занимался там год, но понял, что на журфак поступить не получится. Стабильной оценкой за сочинения у меня были: «5» за литературу и «3» за русский язык. Кто ж меня безграмотного примет...

Были и другие варианты – в медицинский, как отец, или в политех на инженера, как мать. На выпускных экзаменах по химии я заработал «тройку», потому что так и не смог вспомнить формулу молочной кислоты. Медицинский отпал, остался Политех.

Был на выпускных в школе у меня один забавный момент. Отец поинтересовался перед экзаменом по истории, как дела? Я ответил, что не успеваю выучить статьи учебника про Великую Отечественную Войну. На что батя заметил, чтоб я не переживал, он мне утром за завтраком все расскажет. Перед экзаменом он заявил, что волноваться не следует, ведь я и так про войну знаю достаточно. В результате мне попалась Курская битва, и я получил «пятерку». Наверное, помогла отцова библиотека... и замечательные фильмы о войне?

Человек движения

В Политехе я выбрал специальность, как мне показалось наиболее близкую к журналистике – полиграфию. Студенческие годы у всех замечательные. И мои не были исключением. Первая любовь, дружеские попойки, стройотряды, спортивные соревнования, практика в Питере. Было все и много. На четвертом курсе я поступил по конкурсу в народный театр и даже успел съездить на гастроли на тюменский Север – всероссийскую комсомольскую стройку.

Тогда, в начале восьмидесятых, это был край настоящих суровых мужчин, где рабочая столовая с угрюмыми персонажами, готовыми в любой момент учинить разборку с обидчиком, представлялась мне джеклондоновским салуном на Аляске. Один водитель мощного КраЗа, который однажды подвозил меня, признался, что когда здесь пурга, то он – взрослый мужик, до слез боится заблудиться, потому что это неминуемая смерть. Это еще больше укрепило мои ощущения, что на Север приезжают только настоящие мужики, которые не боятся смертоносной пурги.

Для нас же – артистов, Север был сплошной романтикой, которая навевалась поэтическими названиями речек и поселков – Еваяха, Лабытнанги, Пытьях, Харп. Мы привезли два спектакля, их и показывали в разных городах и поселках. Было весело и беззаботно. Секретари райкомов и горкомов комсомола, а попали мы на Север тоже по комсомольской путевке, помогали нашей труппе приобретать дефицитное спиртное. Хотя и без него нам было интересно. Там я разучил три мелодии на флейте, после чего меня стали называть Панк с флейтой (прическа у меня была в ту пору с панковскими заморочками). В труппе нашего театра были замечательные и талантливые ребята. Они запойно читали книги, включая самиздат, а некоторые даже пробовали писать сами. Здесь я узнал и полюбил театральное искусство.

Из института по распределению я уехал в Тулу. Там на обойной фабрике началась моя трудовая деятельность. Тульский говор я помню до сих пор. «Без двАдцати», «ехай», «тормозок», плюс фрикативное «г» и московское аканье было просто замечательным коктейлем.

Природа в Туле мне тоже очень понравилась. На некоторое время нас – молодых специалистов поселили в коттедже для гостей фабрики, который находился рядом с Ясной поляной. В речке Воронка, которая осенью становилась прозрачной до такой степени, что было видно, как за блесной идет щука или окунь, я часто рыбачил и наслаждался окружающей красотой. Вот так же осенью, когда я бродил вдоль речки со спиннингом, моросил дождь, и вдруг на другом берегу показалась фигура мужчины в плаще. Вокруг него, очумев от счастья, челночил ирландский сеттер. Ни покрой его плаща, ни окружающий пейзаж никак не говорили о его принадлежности именно к данному времени. Эта картина запомнилась мне, как эпизод вне эпох и дат. Мне тогда показалось, что все именно так было и будет всегда, и во время Льва Николаевича Толстого, и при мне в восьмидесятые прошлого века, и сейчас в двадцать первом веке.

На обойной фабрике у меня был стремительный рост карьеры, через каждые полгода я двигался по служебной лестнице вверх. Там я даже успел в первый раз жениться. Но мне не хватало сибирских степных просторов и моих друзей, оставшихся в Омске. Через два года я вернулся в свою любимую Сибирь.

В Омске я пришел в свой любимый театр. Сменил пару предприятий – работал зам начальника цеха, потом просто конструктором и однажды... вдруг получил повестку из военкомата. В институте у нас была военная кафедра, поэтому вместе с дипломом мы получали квалификацию командира танкового взвода. В конце восьмидесятых нас «пиджаков-двухгодичников» стали призывать на срочную службу. Когда я пришел на собеседование в областной военкомат, за столом сидел облвоенком, начальник политуправления и еще какой-то офицер.

– Ну, что, сынок, – по-отечески бодро спросил меня областной комиссар. – Хочешь служить на острие стрелы лагеря социализма?

– Нет, – ответил я твердо.

– Почему, – посуловел полковник, он явно не ожидал такого ответа, ведь призывали нас ни куда-нибудь, а в части расквартированные в ГДР.

– Я собираюсь поступать в литературный институт имени Горького. – В то время у меня уже были литературные опыты. Я писал рассказы, брался даже за повесть.

– Так-так-так, – заерзал приободрившийся политрук. – И на какое отделение?

– На прозу, – ответил я.

– Ну, – обрадовано встрепенулся облвоенком, – писатели нашей армии тоже нужны! – И я поехал служить на острие стрелы лагеря социализма – в Группу советских войск в Германии... о чем в будущем не пожалел ни разу.

Служба в Армии это вообще отдельная история. Там я научился, несмотря на свой далеко немаленький рост, бегать внутри танка. Там вообще было много приключений...

Была любовь к немке Беттине Хофманн, против которой активно возражал особист моего полка. Вспоминаю удивительные по бестолковости и несогласованности дивизионные учения, проходившие под пристальным оком полководцев из генштаба. Иногда маячат в памяти тяготы и лишения воинской службы, когда дизентерия косила бойцов целыми ротами.

Помню солдатские самострелы из-за несчастной любви или измены невесты, когда военврачи падали в обморок, и только девушки фельдшеры пытались спасти воина, складывая развороченные внутренности обратно в живот.

Мне сейчас смешно вспоминать драки с немцами и югославами в местных гаштетах. Зато часто всплывают в памяти сказочные горы Тюрингии, студенческий Ваймар, эклектичный Лейпциг, фридриховский беззаботный Сан-суси в Потсдаме, средневековый центр Галле и уютный Дрезден. Одним словом, было много интересного, опасного, веселого и полезного, о чем приятно вспомнить, и рассказывать об этом я могу очень долго. Еще в армии мне удалось много читать.

Это просто праздник какой-то!

С острия стрелы социализма я вернулся в другую страну. Уже были объявлены перестройка и «новое мышление». Спустя полгода по конкурсу меня приняли корреспондентом на омское телевидение. Этот период можно описать просто: утром мне хотелось идти на студию, а вечером я уже размышлял, что я буду делать на работе завтра. Мне всегда везло на интересных и творческих людей. Мы делали наши программы весело и легко, придумывали новые передачи, и нам все удавалось. Конечно нас тоже лихорадило вместе со всей страной, мы так же как и все не получали месяцами зарплату, но это не было главным, главным было творчество.

На телевидении я познакомился с замечательным режиссером Александром Коваленко, который стал моим другом. По первому образованию он был врач-терапевт, но в пору нашего знакомства уже работал на телевидении и учился в питерском ЛГИТМИКе. Он бредил большим кино. И мы начали снимать его курсовые работы. Он говорил: «Дай мне идею, и я ее разверну так, что зрители позабудут обо всем на свете». Так появился фильм об экологии «Ноев ковчег», который что-то там выиграл на каком-то конкурсе. Я в нашем тандеме выступал в качестве сценариста. Потом мы создали программу «От А до Я». В ней снимались актеры любительских театров или вообще непрофессионалы. Мы придумывали оригинальный вид бизнеса, дальше я в кадре задавал вопросы, а герой, импровизируя на ходу, на них отвечал. Получалось очень достоверно, ведь каждый актер по ходу придумывал, свои оригинальные идеи развития бизнеса. Так большой резонанс среди горожан вызвал сюжет про кроличий остров, когда герой решил взять в аренду остров на Иртыше и, запустив туда весной кроликов, осенью собрать урожай мяса и шкурки. Омичи выступили против такого предпринимательства, так как, по их мнению, кролики загадят реку. Другой сюжет рассказывал о мужике (снялся водитель редакционной машины), который на свалке собирает перегоревшие лампочки, дома сплавляет, извлеченные из них, вольфрамовые нити и продает Японии. Мне рассказывал мой товарищ, что в курилке на его заводе, мужики чуть не подрались, когда спорили можно ли в домашних условиях расплавить вольфрам. Нам за эту передачу выписали премию, а через три месяца на АТВ вышел аналогичный сюжет, про крокодиловую ферму в Подмосковье.

Замечательные идеи летают вокруг нас, и кому-то удастся их ловить первыми, а кому-то даже одновременно. У меня в жизни так часто бывает – придумал классную штуку, пока сам вошкался, глядь, а ее уже воплотил кто-то другой.

Нашу передачу «В четверг и больше никогда» до сих пор помнят многие омичи. Особенно лотерею «Шанс». Суть ее была проста. В самом начале программы мы задавали первый вопрос. Телезрители звонили нам и те, кто отвечал правильно, попадали в заветный номер в числе 36-ти участников розыгрыша. Потом в программе звучал второй вопрос. Когда участники становились известны, а каждый из них дозвонившись, получал порядковый номер, мы в прямом эфире запускали рулетку, шарик которой и указывал победителя. Пока шел фильм, наша машина привозила счастливых в студию и мы в прямом эфире вручали призы. Призы были хорошие. У нас можно было выиграть холодильник, ковер или мебельную стенку. Город сходил с ума, АТС не справлялась с таким количеством звонков. Но главное, за все время нашей лотереи, а она существовала более двух лет, призы всегда доставались тем, кому они были нужнее всего.

Вот случай. Одна победительница разрыдалась у нас в прямом эфире. Уже за кадром она рассказала, что ее сократили на заводе, ушел муж, а у детей – мальчика и девочки подряд дни рождения и ей нечего им подарить, даже торт купить не на что. И именно она выиграла большого плюшевого медведя и магнитолу. Чудеса в жизни случаются.

Потом нас вынудили уйти, потому что мы не нравились губернатору (смешные времена). Но нашелся инвестор, который дал денег, и мы создали новую телерадиокомпанию. Набрали

молодых талантливых ребят после университета, и они со свойственной молодости самоуверенностью быстро стали популярными и сделали популярным наш телеканал. У нас были лучшие новости, у нас была интересная утренняя программа, у нас в эфире шили штаны-янычары, готовили блюда, раскручивали омских певцов. Именно к нам перед концертом на интервью в прямой эфир пришли легендарные Uriah Heep.

Исследование профессии

Когда все на телеканале уже шло по построенным нами рельсам, я загрустил. Была еще газетная журналистика, которая кардинально отличается от телевизионной. Мои знакомые журналисты, за плечами которых были журфаки МГУ и УрГУ, любили говорить, что настоящая журналистика бывает только в газете, где у тебя появляется свой стиль письма, по которому тебя узнает читатель. Это сложнее и ценнее, чем телевизионная звездность... Я ушел в газету.

Когда недавно я посмотрел, на свои статьи того периода, мне стало стыдно. Неужели я так писал. Коряво и беспомощно. Но время шло, я попал в омскую редакцию газеты «Коммерсантъ» с ее жестким форматом, что тоже помогло лучше узнать профессию. Были другие издания и разные должности. Сейчас, когда газетам уже посвящено более двух десятков лет моей жизни, хочется верить, что стиль у меня появился. Читатели, во всяком случае, узнают.

Однажды, высмотрев объявление о наборе в школу тренеров региональных СМИ в «Интерньюс», проводимой по программе ТАСИС Евросоюза, я решил попробовать и это. Прошел конкурсный отбор и попал в заветное число счастливицков. В школе было много интересного, да и профессиональные тонкости раскрывались на примере успешных западных изданий, что тоже было полезно. К моему счастью, я не только окончил эту школу, но и попал в число тех, кого «Интерньюс» направлял для проведения тренингов. Так я побывал в Воронеже, Набережных Челнах и Ачинске.

Потом, когда понятие независимые СМИ, стало в нашей жизни изживаться, плюс еще какие-то уже другие – политические мотивы, вынудили «Интерньюс» прекратить свою деятельность, с этим и закончились наши обучающие вояжи.

Крутой сибирский писатель

Писать мне нравилось всегда. Да я и не бросал этого занятия. У меня всегда были различные литературные опыты. Так однажды я написал пьесу «Томагочи». Там рассказывалось об инвалиде, который после смерти матери остался один, и как он старался выживать в этом мире. Друзья посоветовали ее отправить на конкурс в лабораторию современной драматургии, которая проходит в омском театре драмы. Там пьеса стала дипломанткой. Ею заинтересовались мастера, которые проводили лабораторию. Это были Леонид Жуховицкий и Владимир Гуркин. Они дали мне много дельных творческих советов.

Потом писал рассказы в стол. Пожалуй, здесь надо заметить, что пишу я быстро, но подготовительный период у меня бывает очень длительным. Именно в это время, я мужественно борюсь с ленью, убеждая себя, что пишу в голове. Быть может, отчасти это и так. Но лень тоже очень весомый аргумент.

Однажды, когда я победил свою лень, я написал вторую пьесу – «Четвертый тупик Олега Кошевого». Это история о мужике, который через двадцать лет возвращается в родной город и узнает, что у него на малой родине успели вырасти два сына. Причем рождены они были разными женщинами, которых он когда-то любил. Пьеса тоже прошла читку в лаборатории современной драматургии. Я ее отправил в Северный драматический театр им. Михаила Ульянова. Она понравилась худруку, он сам ее и поставил.

Мой товарищ отослал пьесу своему другу в Псков в местный драмтеатр, и она там тоже глянулась. Теперь ее играют еще и в Пскове. Говорят, зрителям нравится.

Уверовав в волшебство электронной почты, я стал участвовать в различных литературных конкурсах. Мои рассказы зачастую входят в шорт-листы. А в литературном конкурсе на приз О Генри «Дары волхвов», его проводят в Нью-Йорке, мой рассказ даже занимал второе место. Еще были какие-то призы читательских симпатий. Из более-менее крупного удалось написать ироничную повесть-анекдот об Афанасии Никитине. Начинал писать, как сценарий для мультфильма, но потом получилась ироничная проза. Жанр я определил, как литературно-историческая пурга «Афоня или шоп-тур тверского купца Никитина». В повести всего навалом, и героев сказок, и исторических персонажей, и прочих наблюдений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.